

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики» в этом выпуске журнала предпринимается републикация статьи из сборника научных трудов «Гуманитарные проблемы освоения», изданного в 1990 году Тюменским научным центром СО РАН СССР и Философским обществом СССР¹.

Выбор статьи связан не только с тем, что ее автор – В.И.Бакштановский – является одним из разработчиков концепции инновационной парадигмы прикладной этики. В статье 1990-го года В.И.Бакштановским обсуждается возможность конституирования концепции гуманитарной экспертизы и консультирования, в том числе как гуманитарной технологии принятия решений. Особое внимание уделяется обостряющимся «в переломных пограничных ситуациях жизни общества» проблемам морального выбора. А также ответу прикладной этики на запрос испытывающего глубинные трансформации общества – запрос, связанный, прежде всего, с экспертным и консультативным потенциалом этико-прикладного знания.

Прецедентность текста можно усмотреть в возможности влияния проблематизаций, сформулированных почти тридцать лет назад, на развитие рефлексии о ситуации в современной прикладной этике, в том числе о ее консультативной функции.

Так, например, вопрос о *современности* этического знания, актуальность которого автор соотносит, в том числе с «открытием новых проблем, вызванных инновациями в человеческой деятельности», и в целом – со способностью этического знания «ставить и решать вечные вопросы в переломных ситуациях жизни общества».

Или – метод игрового моделирования процесса поиска решения, определяемый как адекватный «таинству морального выбора», «создающий возможность диалога ученого с моральным субъектом, в процессе которого происходит гуманитарное консультирование альтернативных вариантов свободного выбора».

И наконец, вопрос (неэвристичный, с точки зрения автора, без самоиронии): «Может ли этика спасти мир?», который переформулируется в формат вопроса целезадающего: «Что может и что должна этика?», а также «Чего не хочет и почему не хочет этика?».

¹ Гуманитарные проблемы освоения. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Издание Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН и Философского общества СССР. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 1990. – 241 с.

В.И. Бакштановский

«ПОНИМАЮЩАЯ ЭТИКА»:
КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ²

Посмотрите, вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет.
Чуть левее наклон – все равно не спасти,
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути...
В. Высоцкий. Канатоходец.

Вибрация повредила не только фрески.
Появились и трещины в стенах храма, –
взволнованно сказал Сандро. – Если так
будет продолжаться, храм рухнет. Между
прочим, он стоит на сваях... Мы просим
немедленно приостановить дальнейшие
лабораторные опыты в церкви и по возможности
ускорить строительство нового здания для
научно-исследовательского учреждения.
– Значит, вы против науки и прогресса?
– с наигранным удивлением спросил Аравидзе.
– Мы против такой науки, которая разрушает
памятники искусства...
*Н. Джанелидзе. Т. Абуладзе, Р. Квеселава.
Покаяние. Киносценарий.*

Я долго удерживал себя, чтобы сблечь эти строки в качестве эпиграфа к будущей книге. И все же нет лучшего способа образно представить мотивы моей статьи, очевидную рискованность ключевой идеи и изобретенного для ее реализации метода, в том числе рискованность, о которой предупреждает первый эпиграф. Разумеется, канатоходец здесь – не циркач

² Впервые статья опубликована, см.: *Бакштановский В.И.* «Понимающая этика»: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // Гуманитарные проблемы освоения. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Издание Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН и Философского общества СССР. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 1990. С. 149-167.

(и даже не метафора профессии менеджера, политика или ученого). Это образ человека, свободно выбравшего свой жизненный путь и надеющегося, что компетентность и Госпожа Удача оправдают его надежду, увеличат шанс всегда рискованного «замысла жизни» и конкретного поступка (Он не вышел ни званьем, ни ростом. /Не за славу, не за плату/ На свой, обычный манер. /Он по жизни шагал над помостом по канату,/ По канату, натянутому как нерв...). Канатоходцу удалось пройти лишь три четверти пути, он все же упал и разбился. И может показаться, что песня его о неразумном риске. Да, о риске как моральном феномене, атрибуте нравственной жизни, атрибуте всякой инновационной деятельности, любого творческого поиска, предприимчивости; и давайте постараемся не упустить более существенное: риск – не самоцель. И в песне Высоцкого – тоже. (И сегодня другой без страховки идет. /Тонкий шнур под ногой./ Вправо – влево наклон – и его не спасти. /Но зачем-то ему тоже нужно пройти./ Четыре четверти пути.). Видимо, самое важное здесь – это то, что «четыре четверти» для героя Высоцкого – долг, избранный им самим; с этим долгом он шагает по жизни, которая ведь и, правда, оказывается «канатом, натянутым как нерв».

Рискну предложить ответ на вопрос «Свобода... Храм или Лаборатория?» – «Лаборатория в Храме Свободы». Дерзость такого ответа, риск отпугнуть читателя, априори настроить его против автора значительно возрастают, если трудный вопрос XIX века: «Природа – храм или мастерская? (лаборатория?!)) – ввести в контекст века XX. Действительно, еще можно решиться на экологическую дискуссию, но как после «Покаяния» соотносить Лабораторию и Храм?! Смягчает ли негативную реакцию уточнение: речь идет о лаборатории свободы, лаборатории, испытывающей различные «дороги к Храму»? Дерзость двоякая: во-первых, «занятость» символики в культурном контексте нашей эпохи, а во-вторых, в изобретении и применении нетрадиционного, может быть, альтернативного метода «практической философии». А если точнее, то в инициировании новой функции «практической философии», для которой и разрабатывается этот метод.

Тем не менее оправданность (или неоправданность) риска, содержащегося в положительном ответе, обнаружится лишь на финише исследования. Поэтому в предисловии постараюсь минимизировать объяснения – оправдания, сосредоточиться на целях и задачах исследования, выражающих надежду автора на возможность и необходимость познания-понимания таинства морального выбора, проникновения в загадку переплетения аксиологических и праксиологических моментов морального решения, поступка, линии поведения в целом. Храм свободы – это и есть образ ситуации морального выбора. Лаборатория же – адекватный таинству выбора метод игрового моделирования процесса поиска достойного решения; метод, в котором научная любознательность обогащена гуманистическими заботами современного общества, мотивирована нравственными исканиями становя-

щейся демократии. Именно в такой лаборатории ученый получает возможность диалога с моральным субъектом, диалога, в котором происходит гуманитарное консультирование альтернативных вариантов свободного выбора.

Может быть, было бы легче отказаться от сложных и спорных образов метафор и не вспоминать ни тургеневского Базарова, ни фильм Т. Абуладзе?! Ведь и без этого очевидно, что подлинно моральный выбор, культура свободного решения – это еще предстоящее нашему обществу социальное изобретение, это еще только начало осознания нового перепутья, ситуации нового освоения? Можно, без акцентирования парадоксальности, отказавшись от малейших проявлений алармизма, размеренной интонацией мотивировать обращение к задачам формирования культуры свободного выбора констатацией того факта, что перестройка – ситуация выбора, выбора, который предъявлен всему обществу, любой социальной группе, каждому индивиду. Вполне допустимо было бы в той же уравновешенной («академической») манере подчеркнуть, что реабилитация выбора – это шанс, который предоставлен нам историей. Гуманистическая реализация возможности свободного выбора подразумевает способность достойно вынести бремя ответственности, пережить счастье самореализации как доверие, которое становящееся гражданское общество предоставляет личности в качестве средства искоренения культа безличности (но в надежде, что этот культ не вернется уже в виде «бесовства»). На той же интонации можно было бы квалифицировать нравственную жизнь человека как непрерывное творчество в его обретениях и утратах, как неизбежный риск и ответственность и за смысложизненные измерения морального выбора, и за воплощение их в конкретных поступках, каждый из которых ставит перед субъектом выбора вечную проблему: «оправдывает ли цель средства?», «допустимо ли зло во имя добра?». Рациональная рефлексия и борение чувств, необходимость инициативы и компетентности в оценках и решениях, потребность посоветоваться с другим человеком и нравственным опытом человечества, проверить себя на строгих критериях верности идеалу, испытать свою нравственную надежность... Все это удивительно соответствует тому потенциалу игровой деятельности, с которым человеческое общество связало свою жизнь еще на первых стадиях развития и получает интенсивное ускорение в современной ситуации.

Современный исследователь – гуманитарий, тем более если он работает в духе такой ветви «практической философии», как прикладная этика, не может без обостренной рефлексии об отношениях развиваемой им теории с ее предметом, о специфике гуманитарного познания, об искусстве диалога теории с практикой, о «нормах-рамках» и «нормах-стимулах», в попытке представителя «практической философии» повлиять на ситуации

нравственной жизни, воздействовать на интимные процессы самоопределения человека.

Поставив диагноз современной ситуации нравственной жизни как ситуации реабилитируемого выбора, содержащей шанс преодоления морального отчуждения, сформулировав проблему мировоззренческой и социально-технологической готовности общества и личности не упустить этот шанс в напряженных нравственно-конфликтных ситуациях переходного периода, когда особенно трудно принимать ответственные решения, соотносить цели и средства, современной гуманитарной этики должен изобрести метод гуманизации морального выбора, метод культивирования процесса освоения эмансипирующейся ситуации выбора.

Именно поэтому я намеренно заостряю проблему выбора Лаборатории, сталкиваю «Лабораторию» и «Храм», стремясь показать те опасности, которые я выбрал. Да, в позитивном ответе на вопрос «Свобода... Храм или Лаборатория?» заложен целый пакет опасностей вырождения гуманистического подхода в сциентистский, обогащенный рационализмом, манипуляторством, опасностей, гораздо более зловещих, чем в базаровском видении природы как мастерской. Опасности эти могут из возможности стать действительностью не по причине злого намерения, но как цена искушения объяснить процесс морального выбора только как рациональный феномен, исключив эмоциональные, интуитивные («иррациональные») составляющие этого процесса; опасность содержится и в незаметном переходе грани, отделяющей возможность и необходимость управленческого подхода к моральным процессам, в управленческий экстремизм; опасность заложена и в соблазне увидеть в науке универсальный ключ ко всем моральным проблемам, не поддающимся немедленному и положительному разрешению.

Тем самым у входа в Лабораторию морального выбора собственный выбор совершает и исследователь; это не случайно, ибо теория и практика морального выбора находятся в...

Возможно, и пришел час, которого ждали многие исследователи-гуманитарии. Предъявлен реальный и конкретный запрос на приложение потенциала этики к практике обновления нашего общества. И «заказ» есть, и «внедрение» гарантируется. Готовы ли мы действовать именно в режиме наибольшего благоприятствования? Успеем ли за временем, за темпами перестройки, предъявляющей все новые и новые запросы к нашему профессионализму?

Вопрос о **современности** этического знания, предназначением своим призванного ставить и решать **вечные** проблемы, возникает в ситуациях их предельного обострения, в переломных, пограничных ситуациях жизни общества. Постановка такого вопроса дополнительно стимулируется открытием новых проблем, вызванных инновациями в человеческой деятельности, актуализируется формирование новых условий для развития морального

творчества, «запросом» на новый потенциал взаимодействия этики, морали и воспитания.

Современность этики характеризуется **своевременностью** выдвижения вопросов, **конструктивностью** найденных подходов, **эвристичностью** познавательных средств и, в конечном счете, **адекватностью** «ответов», предлагаемых теоретическим знанием для решения актуальных социально нравственных проблем.

Один из конкретных показателей современности этики, ее реального участия в нравственном обеспечении перестройки – готовность удовлетворить общественную потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании практики принятия важнейших решений. Общее требование к науке – шире внедрять практику экспертизы технических, экономических, социальных проектов; развивать консультативные начала в деятельности исследовательских коллективов – имеет, на мой взгляд, непосредственное отношение к этическому знанию.

Гуманитарная (социально-нравственная) экспертиза и консультирование (ГЭК) – особый **вид** практического приложения комплекса научного знания о морали и воспитании, организованного вокруг этического «ядра» – прикладной этики. Это специфические **цели, способы, формы и результаты** применения этико-прикладного знания к ситуациям морального выбора, к проблемам, встающим перед субъектом морального выбора.

Это – научно-практическая (прикладная) деятельность ученого, предоставляющая ему возможность **личного участия** в нравственном обновлении общества, способ реализации профессионального призвания и гражданской активности как собственного «Личного Дела».

ГЭК – профессиональная деятельность ученого. Но профессионализм здесь – умение активировать и развивать гуманитарную рефлексию обыденного морального сознания, организовать, стимулировать моральное творчество на уровне здравого смысла того субъекта нравственного поиска, для которого и через которого совершается ГЭК. Отсюда – особое отношение науки и практики, особый вид теоретизирования и специфичный процесс принятия решения.

Характеристика «гуманитарная» (социально-нравственная) в отношении экспертно-консультативной функции науки выражает ориентацию этой функции на ситуации морального выбора, нравственное содержание целеустремленной деятельности человека, фиксирует стремление включить процесс принятия моральных решений в контекст общечеловеческого опыта через потенциал современной парадигмы человекознания, всей гуманитарной культуры общества.

ГЭК **направлены** на развитие культуры современного этического мышления как ценностного основания решений, содержащихся в программах, проектах, акциях официальных организаций и самостоятельных объе-

динений, которые в условиях перестройки становятся соавторами общественно значимых процессов выбора.

Непосредственным **предметом экспертизы и консультирования** является, так или иначе, фиксируемый процесс подготовки и принятия решений, контроль за альтернативными социальными технологиями, последствия которых прямо связаны с «человеческим фактором». **Задачи ГЭК**: вскрыть все поле реальных вариантов выбора, выявив ценностные основания, цели-смыслы каждого из них; предъявить прецеденты решений в аналогичных (если они есть) ситуациях; предложить алгоритм поиска; стимулировать моральную рефлексию субъекта, принимающего решение; выработать в диалоге с ним гуманистическую направленность выбора в его аксиологических и праксиологических аспектах.

Участники диалога – субъект ГЭК и субъект морального выбора – образуют целевой междисциплинарный научно-практический коллектив, формой деятельности которого является игровая **команда**. Игровая деятельность выступает здесь как средство решения нетривиальных проблем теории и практики, так и способ формирования, сплочения структур гуманитарного сообщества, предоставляя ему форум, лабораторию, канал «встречного движения» науки и жизни.

Наконец, **эффект** деятельности экспертов и консультантов обусловлен результатами предварительных этико-прикладных исследований и разработок, которые предлагаются «заказчику» не в виде «готовых к употреблению», «упакованных» выводов, инструкций, рекомендаций, а воплощенными в **метод решения** уникальных ситуаций морального выбора.

ГЭК, в этическом истолковании, ставит и заказчика в ситуацию морального выбора, стремительно сталкивая ценности Свободы и ценности справедливости. Именно это испытание – суть метода ГЭК как «воспитания выбором». Такой метод – надо отдавать себе отчет – имеет не технологическую, а, в конечном счете, мировоззренческую атрибуцию. Если речь идет об индивидуальном выборе, то мировоззрение выступает как система экзистенциалов, слитых с мироощущением, когда «картина мира» и «жизненный замысел» переплетены неразрывно. С этим не может не считаться консультант. Если же речь идет о совокупном субъекте выбора (коллектив, организация, ассоциация, общность и т.д.), мировоззренческие его основания выступают в виде базисной системы ценностей, в форме группового идеала. Суть метода – активирование в сознании заказчика моральной рефлексии о скрытом за любыми конкретными нравственными (и иными) конфликтами базисном конфликте идеалов, ценностей – идеала свободы и идеала справедливости, в обосновании такого выбора, в «просеивании» через эту сетку конкретики, фактуры любой ситуации.

Выражая позицию прикладного исследования, концепция ГЭК обеспечивает приложение этики к практике посредством синтеза ком-

плексов гуманитарного знания. Нетрадиционный для этики как философской науки способ «выхода» в практику (экспертиза и консультирование вполне естественны для психологии, социологии, теории управления и т. п.) и нетрадиционная форма организации научной работы представляются целесообразным решением в условиях жесткой альтернативы выбора этикой путей своего развития: либо тупик самодостаточности, либо междисциплинарная кооперация и новые способы связи с практикой – даже если это нарушает веками наработанный стереотип этического знания. Версия об этике как системообразующем элементе человекознания реализуется концепцией ГЭК через:

а) развитие проницающих направлений приложения (этико-управленческое, этико-политическое, этико-педагогическое, этико-экологическое и т. п.); б) конструирование игр посредством встраивания этической доминанты в различные виды игрового моделирования (игры – дидактические, инновационные, управленческие, организационно-деятельностные и т. д., разумеется, наряду с конструированием собственно этических игр); в) наконец, через совместную деятельность в целевом коллективе (соконсультирование), деятельность междисциплинарную и научно-практическую.

Концепцией ГЭК программируется эффект кросс-подхода, встречи двух идей диалогического отношения этики и морали, с одной стороны, игрового моделирования как этической «Лаборатории в Храме», дающего и способ организации диалога, собственно его язык – с другой. «Искрящий контакт» такой встречи создает эвристическую ситуацию для формирования и развития этического знания умения, «умения уметь» – фронезиса. Трудноуловимые признаки этой неаксиматической науки об искусстве морального выбора не даны в отдельности ни в теории, ни в практике. Место и способ их созидания – процесс взаимодействия нравственных исканий человека и нравственной мудрости человечества. Именно такой процесс активируется и интенсифицируется посредством ГЭК. Не «обогащение» тем, что уже найдено другими, и в этом смысле – чужим «богатством», не лечение «больного», не «пастырское наставление», но стремление посредством игровой методологии минимизировать неизбежность «одиночества в решении», став соавтором исторического опыта нравственной жизни. Не анонимная теория, адресованная столь же анонимному ее потребителю, а персонафицированная деятельность ученого в отношении уникальных моральных ситуаций – здесь возникает возможность преодолеть барьеры, которые субъект нравственности старается воздвигнуть против казенно-бюрократической морали, перед «этикой без морали».

Игровая деятельность как многофункциональное средство организации и стимулирования диалога этики и морали является системообразующим элементом инструментария концепции ГЭК, ее исследовательских и прикладных проявлений. Этико-прикладная модификация игрового моде-

лирования – этические деловые игры – не навязывает морали некий чуждый ей «организационный прием», «инородное средство». Концепция ГЭК «обнаруживает» игровой феномен в самой нравственной жизни и стремится культивировать естественный потенциал: а) этического (теоретического) поиска; б) исканий в сфере морали; в) воспитания, возвращая этот потенциал каждому из этих трех элементов системы духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа.

Способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности (благодаря «двуплановости»: «условное» и «серьезное» одновременно) и ориентация на культуру «умение уметь» как два сущностных признака игрового подхода в любом его проявлении, а также эффект от взаимодействия специфических признаков именно этической модификации игрового моделирования «обрекают» метод этических деловых игр на моральную инновационность и интенсификацию процессов воспитания выбором. Гуманистическое назначение таких игр, как метода, по сути своей исключаящего сциентистскую опасность перерождения прикладного знания – решать за человека, лишать его самостоятельности в выборе, ответственности в действиях – выражается, прежде всего, в снятии всяческих масок с отчужденных форм псевдообщественной морали, в стимулировании нравственных исканий, в воздействии на формирование качеств действительно новой – не опекаемой, свободной, ответственной – личности.

Не поддаваясь пока соблазну поставить в один ряд определения «человек-разумный», «человек-моральный», «человек-играющий», концепция ГЭК все-таки решается на гипотезу о том, что метод этических деловых игр не только является способом организации, инструментом, но и непосредственным воплощением диалога этики и морали, диалога, который ведет «понимающая этика»: в своей герменевтической ориентации она стремится аккумулировать ценности и методы педагогики сотрудничества, гуманистически ориентированной теории и практики управленческих решений, психологического консультирования, собственно этической традиции (моралистики, например). Этические деловые игры – современная версия майевтики, «диалогии» – ориентированы на инициирование в процессе теоретического поиска способности порождать прикладные результаты. Поэтому «заказчик» и не обращается к ученому-консультанту, как пациент к врачу или как ученик к наставнику, но познает сам себя с помощью предложенного консультантом поискового алгоритма творческого решения. Метод этических деловых игр нельзя, поэтому, использовать как элементарное «вспомогательное средство».

Не является он и некоей универсальной отмычкой, претендующей на сциентистскую «методократию». Важно осознанно противопоставить инструменталистскому эксплуатированию потенциала игрового моделирования, трактовке игры как «формы», отношение к ней как **способу существования**

этико-прикладного знания в целом, экспертно-консультативной функции его – особенно. Концепция ГЭК не только не отрывается с помощью этой формы от содержания, но, благодаря методу этических деловых игр, ведет «содержание», организует его обновление, способствует развитию этического творчества.

Установка на диалогичность отношения этики и морали, ученого и лица, принимающего решение, не означает утраты самостоятельности, конкретной ответственности каждой из сторон. «Понимающая этика» не должна вырождаться в этику «прислуживающую», ангажированность «социальным заказом» не допускает утраты научной принципиальности. Субъект ГЭК обязан быть критичным в отношении к «заказу». Таково веление профессиональной этики ученого, независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодняшний день субъекта принятия решения – управленческого корпуса, начинающего делить ответственность за решения с демократическими институциями в условиях переходного периода, или же от наиболее вероятного в правовом государстве «заказчика» – самоуправленческих структур общественной жизни. В позиции «заказчика» субъект ГЭК видит отражение всего многообразия нравственной жизни современного общества, например, за апелляциями управленцев к «человеческому фактору» ученый-консультант обнаруживает (должен обнаружить) широкий спектр «болевых точек», внутренних противоречий современной ситуации (между нравами и моральной идеологией, консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, тенденциями традиционализма и инноваторства в нравственных исканиях, ориентациями на индивидуальную свободу и социальную справедливость и т. п.). Его особая забота – суметь диагностировать извращенные представления о действительной роли морали и воспитания: морализаторство как подмену социальной и экономической политики средствами воспитательного воздействия, использование морали как инструмента манипуляции человеком, формирования «удобной», «послушной» личности, когда не «мораль (и воспитание) для человека, а человек для морали (и воспитания). Таким образом, ориентация доктрины ГЭК на «социальный заказ» требует разработки профилактических средств против бюрократизации уже самого назначения ГЭК, в ином случае игровой подход выродится в «бюрократические игры», в «заигрывание» с демократией, наукой, в имитацию перестройки. Здесь ученому равно необходимо противостояние двум «соблазнам»: исчерпать свои стремления влиять на практику принятия решений сотрудничеством лишь с «аппаратной» структурой управленческой деятельности, с одной стороны, поддаться патерналистским притязаниям, сциентистскому экстремизму – с другой. ГЭК – особая культура взаимодействия теории и практики, характеризующаяся признаками «встречного движения».

Уже сама квалификация перестройки как ситуация выбора содержит в себе проект ее нравственного обеспечения. Конкретный показатель заказа на такое обеспечение – развитая потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании ситуаций выбора, уровень «научаемости» практических решений. При этом перестройка – не только ситуация, апеллирующая к «моральному фактору», но и время возвращения нашего общества к заинтересованному отношению к теории, стало быть, и к этической теории. Перестройка – феномен взаимной потребности науки и практики в гуманистическом обновлении нашего общества.

Диполь экспертизы и консультирования как одна из современных практических функций этики дает возможность инициативного ответа на неотложный вызов практики, выраженный в гуманистических общественных ожиданиях, в документах государства, в деятельности конкретных социальных институтов, прогрессивных общественных начинаниях. Таким ответом представители этического сообщества пытаются разрешить и собственную неудовлетворенность прежними предложениями этической теории практике, ограниченными потенциалом нормативной этики (у кого сегодня не поднимется рука, чтобы «бросить камень» в теоретиков морали и воспитания?!), а также преодолеть невостребованность инновационного потенциала «практической философии». Не поддаваясь искушению поиска алиби или смиренного признания неизбежности отставания теории от публицистики и художественной литературы, ответить диагнозом перепутья, на который вышла наша этика, перепутья, требующего новых ориентиров на придорожных указателях. Ответить новым видением ситуации в отношениях теории с практикой: развитие практических функций этики требует сегодня инициирования, выращивания «заказов» от практики. Такой вывод представляется способом разрешения проблемой ситуации.

В отношениях этической мысли с практикой перестройки просматривается критическая ситуация, которая не может не породить алармистских настроений. Сформулировав вопрос о роли этики (и всего гуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании) в общей для современной культуры задаче – готовить личность и общество к ситуациям нового типа, к ответственности за гуманистическую реализацию возможностей свободного развития личности, предприняв попытку определения круга задач этики:

а) в ситуационном анализе «болевых точек» и «точек роста» нравственной жизни и воспитательной деятельности;

б) в выдвижении и обосновании идей, проектов, программ по преодолению первых и развитию вторых, этическое сообщество сталкивается с набором альтернатив, констатируемых и прогнозируемых в зависимости от результатов диагностики ситуаций и лежащей в основе оценки состояния нравственной жизни парадигмы практического предназначения этики. На полюсах этого набора – «философская» этика и этика «прикладная», между

полюсами – различные модели гносеологического идеала практической философии – варианты ответов на вопрос о возможности трактовать этическое знание как систему типов теоретизирования, соответствующую системе социальных задач этики, ее социокультурных предназначений.

Познавательная ситуация, в которую вовлечена современная этика, исключает возможность уклонения от выбора, пассивной позиции. Это определено настоятельными и нередко рассогласованными, а то и противоречивыми запросами практики, с одной стороны; активными вызовами от ситуации в самом современном научном знании в целом, социально-гуманитарном особенно – с другой. Это знание переживает острый конфликт своей неорганичности, пессимизма от разорванности на сциентистские и антисциентистские эталоны теоретизирования (отсюда и постоянное воспроизведение альтернатив интуитивного-дискурсивного, объяснения-понимания, рационального-иррационального и т. п.), перехода в своих упованиях то на одну, то на другую из «двух культур», не доверяя ни одной из них до конца, и поэтому с неизбежностью обнаруживая себя все вновь и вновь в очередном отсеке лабиринта.

В то же время инновационные стремления в развитии этики наталкиваются и на препятствия психологического порядка, требуя для собственно теоретического поиска предварительного преодоления фобий, ложных имиджей, дурных стереотипов, выдвигаемых против нововведений в практические функции этики. Некоторые из этих психологических препятствий видны уже в эскизном описании имиджа этики, каким он сегодня существует в общественном сознании. Так, массовый моральный субъект объявляет себя «читателем-непочитателем» морализаторских публикаций; в глазах ЛПР представитель этического сообщества выглядит лицом, роль которого исчерпывается получением срочного и беспрекословного «заказа на исполнение»; в восприятии многих деятелей культуры этика вообще недееспособна. В то же время в глазах друг друга этики воспринимаются то как «уклонисты» (когда они, например, уходят в историю этики или в «чистую» методологию), то как «сикофанты (когда они, например, занимаются прикладными исследованиями в сфере управленческой деятельности). Трудно сказать, что хуже: неадекватные претензии и ожидания «со стороны» или восприятие исследователями разных направлений друг друга в стиле конструирования «мальчиков для битья» и демонстраций идеологических пугал. Хуже того и другого лишь просто равнодушие, разочарование в этике, недоверие ей.

В такого рода атмосфере естественно вопрошание-саморефлексия этического сообщества: «что может и чего не может этика?» Допускаю и целесообразность более острого вопроса: «может ли этика спасти мир?». Разумеется, без самоиронии такой вопрос не эвристичен. Однако, несмотря на самые требовательные вызовы (или, напротив, «незапросы», недоверие)

практики, а, возможно, и благодаря им, этика не должна ограничиться формулой-рамкой. На фоне различных вариантов ответа на подобное ограничительное вопрошание не должен потеряться целезадающий вопрос: «что может и что должна этика?» (кстати, такая переформулировка позволит выявить и то, «чего не хочет и почему не хочет этика?»).

Экспансии «параэтики» (внеэтического знания о морали и воспитании, публицистического, художественного, обыденного понимания нравственной жизни и воспитательной деятельности), вольно или невольно вытесняющей (если можно вытеснить то, чего нет, речь идет, скорее, о пустом «святом месте») научную теорию, необходимо противопоставить (с установкой на взаимодополнительность, а не конфронтацию) инициирование скрытого в практической философии инновационного потенциала. В этом смысле можно сказать, что наступает «звездный час» прикладной этики – именно на ее древе вырастает концепция ГЭК.

Заявив о том, что этическая наука и этическое сообщество сегодня оказались на перепутье, подчеркнув отсутствие однозначных указателей с подсказкой выбора пути, мне хотелось бы еще раз поставить вопрос именно о **новом** выборе. Недостаточно принять оценку альтернативы «сциентизма – антисциентизма» как неадекватную реальную волю выбора. Мало и отклонить альтернативу «морализаторство – манипуляторство». Надлежит пойти дальше, предпринять поиск новых способов практического приложения науки о морали и воспитании, усиливающих традиционные для этики возможности влияния на нравственную жизнь.

Диагноз «этика на распутье» возникает не в любой познавательной и социокультурной ситуации; он следует из трактовки ситуации как **проблемной**, в противном случае этика может и не заметить перекрестка, не узнать его, пройти мимо. Так, например, сегодня этическое знание находится в пике своей критической функции в отношении морали и воспитательной практики. Но что дальше?

Представим себе невозможное – объединение усилий этики и параэтики, индивидуального и коллективного обыденного морального сознания в решении задачи диагностики и, вполне вероятно, пробуждения общественного сознания. Что может предложить этика, разрушив ложную и наивную уверенность, фиктивные моральные знания и убеждения? Безжалостно дискредитировав инструменты фиктивного воздействия на мораль, надежность которых до поры до времени не вызывала ничьих сомнений, не имея возможности сразу предложить взамен столь же прочную и субъективно удовлетворяющую, что может предложить этика, чтобы помочь моральному субъекту войти в ситуацию свободы? Может ли она предложить концепцию воспитания выбором, если не вырастит в своей структуре новых функций?

В поисках этикой нового выбора, достойного места в общей для всей культуры задаче: готовить личность к социальному новаторству и моральному творчеству; в поисках, стимулируемых поразительно высоким авторитетом «параэтики», концепция ГЭК выражает позицию прикладной этики как новой ветви «древа» практической философии. Не повторяя здесь рассуждений и выводов, которым посвящены специальные публикации по прикладной этике, акцентируем значимость современной интерпретации этики как практической философии. Речь идет о том назначении этой квалификации, которая не позволяет этическому познанию ограничить свою исследовательскую потребность внутренними целями науки, точнее, требует от исследователя обнаружить за этими внутренними целями конечную цель всей системы этического знания – соавторство с моралью в мировоззренческих исканиях, соавторство, развивающее традиционный потенциал нормативной этики до уровня и формы знания, **непосредственно** транслирующего свои результаты в практику в процессе «встречного движения» этики и морали.

«Исходить»? Естественный «исход» был бы вполне закономерен для традиционных структур этики. Но очевиден, органичен ли такой исход для знания прикладной ориентации, с неизбежностью «зараженного» социально – технологическими притязаниями и соответствующими им гносеологическими поисками?

Гносеологический идеал, эталон теоретизирования в сфере этико-прикладного знания в целом, в рамках концепции ГЭК в том числе, формируется в процессе анализа гносеологической ситуации посредством освоения внутриэтического потенциала, предпосылок, содержащихся в социально-технологическом знании, в исследованиях специфики теоретизирования в сфере воспитательной деятельности. Опираясь на результаты такого анализа, этико-прикладное знание, развивающее концепцию ГЭК, стремится в ситуации перепутья к гносеологическому идеалу, характеризующемуся следующими чертами. Во-первых, это знание, осваивающее особую универсальную сферу человеческой деятельности, каковой являются и мораль и воспитание. Во-вторых, это знание, ценностный компонент которого находится в эпицентре теории. В-третьих, это теория с особым сочетанием абстрактно-всеобщих и конкретно-всеобщих понятий. Это, в-четвертых, знание по преимуществу так называемого слаботеоретизированного типа. В целом данное знание организовано специфическим синтезом, который преодолевает традиционные противоречия в отношениях теорий воспитания и воспитательной практики. Оно оптимизирует роль здравого смысла в этих отношениях, обеспечивает взаимопроникание «алгебры» и «гармонии» в воспитании, его аксиологических и праксиологических аспектов.

Эти черты, разумеется, нуждаются в конкретизации. Но это будущая задача. Здесь же, подчеркнем еще раз, не ограничиваясь критикой эталона

научности, характерного для естествознания, осваивая опыт современного социально-гуманитарного знания в создании собственного эталона научности, опираясь на образцы теоретизирования в тех версиях этики, которые трактовали ее как практическую философию, непосредственно ориентированную на заботы нравственной жизни, **эта позиция среди** многих смыслов понятия «диалог» и многих типов «диалогичности» акцентирует взаимоотношения зрелой системы морали и развитой системы этического знания, взаимоотношения, «замыкающиеся» через мировоззренческую рефлексию, взаимоотношения специфического типа теоретизирования в этике и специфической потребности морального субъекта стремиться к мудрости выбора.

Диалогическая версия эталона теоретизирования в этико-прикладном знании выступает против трактовки отношений этики и морали в категориях «пастыря» и «паствы» (не исключая при этом и ситуаций «глухоты» и «слепоты» морального субъекта, не забывая о возможности обоих видов сциентизма – стихийного и сознательного, преодолевая крайности высокомерия этики как «верхнего этажа» морали и потери этикой статуса теории при забвении дистанции между моралью и наукой, исследующей ее). Позиция диалога этики и морали направлена и против версий предназначения этического знания, которые из аксиомы моральной суверенности субъекта выводят «уклонистское» отношение к запросам личности в адрес «практической философии». Эталон диалогичности обеспечивает возможность непосредственного приложения результатов этических исследований к ожиданиям морального субъекта, ожиданиям, обращенным к этике не из-за намерения освободиться от личного риска в выборе и потому «делегировать» ответственность, но в надежде опереться на теоретически отрефлексируемый нравственный опыт человечества. Концепция ГЭЖ разделяет и конкретизирует позицию, согласно которой этика не может подменить свой предмет, но может и должна способствовать росту нравственной культуры. Эталон диалогичности – ориентир для современной этики, осознавшей ситуацию выбора своего пути, возможность нового выбора, новых пределов практичности. Эталон диалогичности – активизация невостребованных энергетических ресурсов этики, инициирование новой энергии этического знания в его практическом приложении.

В то же время концепции ГЭЖ слишком рано успокаивать себя, считая, что в ней уже содержатся все необходимые ответы на скепсис или прямую критику, связывающую этико-прикладные исследования и разработки с опасностью сциентизма, манипуляторства и пр. И даже ранее предпринятые попытки обстоятельной критики бюрократической системы воспитания, например, проведенные именно в рамках исследования управленческого потенциала прикладной этики, не смогли снять различных «фобий» – может быть потому, что более высокая точность такой критики и ее конструктивность ослаблялись внутренним комплексом неполноценности сто-

ронников прикладной этики? Что же, надо взять на самих себя дополнительный труд демонтажа управленческих извращений в сфере морали и воспитания, заботу по дезавуированию бюрократической системы «связи» теории и практики. Но самое главное средство преодоления комплекса – позитивное развитие концепции и положительные результаты ее внедрения.